

– Понравились различные формы работы, которые были представлены на разных МК, не все подходит для начальной школы. Особенно понравился МК по Духовной культуре, который можно будет применить на уроках ОПК.

Таким образом, программа «Церковно-государственные праздники России» получила достаточно широкую поддержку учителей Санкт-Петербурга и Ленинградской области и будет продолжена в дальнейшем. К участию в программе занятий приглашаются все заинтересованные учителя Санкт-Петербурга, Ленинградской области и других регионов России.

Библиографический список:

1. Опыт проведения и перспективы реализации предмета Основы православной культуры: материалы конференции. СПб. 2015. 3 с.
2. Опыт проведения и перспективы реализации предмета Основы православной культуры: материалы конференции. СПб. 2015. 33 с.
3. Рождество Христово. Духовная культура. Материалы занятий. URL: https://vk.com/doc1607794_454398092?hash=a55dc4705b4643decc&dl=b92a016b27225ed854 (дата обращения: 20.10.2018)
4. Итоги мастер-классов для учителей в гимназии № 367 Санкт-Петербурга. URL: <https://vk.com/spprokofjev> (дата обращения: 20.10.2018)
5. Итоги мастер-классов для учителей в школе № 500 Санкт-Петербурга. URL: <https://vk.com/spprokofjev> (дата обращения: 20.10.2018)

Регульский И. Т.

ОБРАЗ И. НЬЮТОНА В РАБОТАХ Д. В. ПИВОВАРОВА

Аннотация. В работе рассматриваются религиозно-философские взгляды ученого и богослова Ньютона. Представлено восприятие фигуры И. Ньютона уральским религиоведом и философом Д. В. Пивоваровым. Автор раскрывает оригинальность подхода Пивоварова к богословию Ньютона на основе авторской концепции Пивоварова об отношениях науки и религии.

Ключевые слова: Пивоваров, Ньютон, наука и религия, философия религии.

Д. В. Пивоваров занимался целым спектром проблем, связанных с религией. В этот круг входят и вопросы ее отношений с наукой. Им он посвятил отдельную работу под названием «Наука и религии: гносеологические очерки». Рассматриваются они и в других трудах.

Пивоваров неоднократно упоминает сэра Исаака Ньютона. На основе этих упоминаний можно сложить представление как об отношении Пивоварова к проблеме науки и религии, так и о его отношении к фигуре Ньютона. Причем второе органически связано с первым.

В концепции Пивоварова наука и религия связаны друг с другом, поскольку отвечают на одни и те же вопросы: о существовании сверхчувственной реальности, определяющей порядок вещей в мире; о возможности познания этой реальности; о наличии и степени взаимосвязи сверхчувственного и чувственного миров. Эти вопросы, помимо науки и религии, задают искусство, философия и другие области, в которых существует и действует человек [6, с. 22].

Схожесть поднимаемых вопросов имеет два последствия. Первое: не существует независимых друг от друга форм общественного сознания. Второе: границы между этими формами нельзя определить с полной точностью. То есть, мы не можем однозначно сказать, где заканчивается религия и начинается наука [6, с. 23].

И действительно, история зарождения новоевропейской науки показывает, что она многое заимствовала из религии как на уровне теории и методологии, так и на уровне исследовательской практики.

Так, марксист Э. Цильзель, исследуя этимологию понятия «закон природы», приходит к выводу, что оно возникло как метафора. Первоначально же слово «закон» имело только два смысла: юридический и теологический [2, с. 34].

Многие фундаментальные научные положения – о единстве и единообразии Вселенной в пространстве и времени, о всемирном тяготении, о самой возможности познания – имеют религиозные корни [6, с. 537].

Связь между зарождением науки и религией видна на практическом уровне. Роберт Бойль, создавший химию как строгую дисциплину, говорил, что строгое и системное исследование природы – долг каждого христианина. Эти слова возникают из представления Мартина Лютера о всеобщем священстве [3, с. 61; 4, с. 47].

Если обобщать эту мысль, то можно сказать, что наука и религия не совпадают до конца: это видно хотя бы из различия подходов к реальности, из различия языков, на которых они говорят (под наукой здесь пони-

маются, прежде всего, естественные науки). Но между ними есть глубинные связи, обусловленные единством человеческого и общественного сознания.

То есть, это единство присутствует, даже если человек не осознает его, поскольку зачастую оно передается через не осмысляемые предпосылки, вроде того же представления о законе природы. Ученый может руководствоваться им, даже если он понятия не имеет о религиозных истоках этого представления.

Ньютон для Пивоварова – яркий пример осознанной связи между наукой и религией: «Кто может сказать, где, допустим, кончается Исаак Ньютон-теолог и начинается Ньютон-физик и математик?» [6, с. 23]. Помимо всем известных «Математических начал натуральной философии» и «Оптики», а также других научных трудов, Ньютон оставил корпус теологических работ, который превосходит по объему корпус работ научных.

И он не просто занимался двумя параллельными, не связанными друг с другом областями. Ньютон видит прямую связь науки с религией и сам говорит об этом: «Когда я писал свой трактат о нашей Солнечной Системе, я смотрел на то, как такие принципы могут работать для размышляющего человека на веру в Божество, и ничто не может радовать меня больше, чем понимать, что он [трактат] пригоден для этой цели» [7, р. 384].

Это одна сторона того образа Ньютона, который есть в работах Пивоварова – Ньютон как яркий пример связи науки и религии, связи теоретической и практической.

Другая сторона связана с оценкой вклада Ньютона в науку. И здесь стоит сделать несколько важных оговорок.

На Западе теологические работы Ньютона известны давно, многие из них изучены: пишутся статьи, книги, целые монографии. В России же эта тема до сих пор остается малоизученной.

Ярким примером является биография Ньютона, написанная С. И. Вавиловым. В ней Вавилов утверждает, что занятия богословием, хоть Ньютон и считал их для себя очень важными, были для него скорее побочным продуктом, данью времени [1, с. 11–12].

Парадоксальный ход мысли: Ньютон говорил, что для него теология важна, но он, судя по всему, врал или ошибался, на самом деле для него это было побочным продуктом. Кто прав в суждениях о мотивации Ньютона: сам Ньютон или кто-то другой?

Это момент разницы в отношении к Ньютону в России и других странах. Есть, однако, и момент сходства. Мало кто оспаривает его вклад в науку своего времени. Его космология считается устаревшей, но мало кто берется отрицать ее ценность для развития науки.

И здесь Пивоваров излагает действительно оригинальный взгляд. Не останавливаясь на этом подробно, он пишет, что вклад Ньютона в науку переоценен.

Пивоваров не соглашается с критической оценкой Ньютона напрямую, но он говорит следующее. Крупные ученые, по его мнению, являются для сциентистов олицетворением добра и зла [5, с. 175]: фигура крупного исследователя очищается от всех недостатков и наделяется всеми мыслимыми и немыслимыми добродетелями. Здесь Пивоваров утверждает, что наука наделена многими вещами религиозного характера, дуализм добра и зла является одной из них. И далее он показывает, что есть серьезные основания сомневаться в реальности образа Ньютона, созданного его последователями.

Пивоваров перечисляет те обвинения, которые выдвигаются Ньютону со стороны асциентов. Говорится, что, занявшись наукой, Ньютон заболел прогрессирующим психозом, ненавидел людей, особенно женщин, крайне болезненно относился к критике, а при попытках спорить с ним – впадал в ярость. Говорится также, что Исаак Барроу, учитель Ньютона, тайно ознакомил его с переведенными работами Омара Хайяма с расчетами по физике, астрономии и математике. Ньютон же выдал его расчеты за свои, и благодаря этому получил степень магистра [5, с. 176].

Излагается и история споров Ньютона с Робертом Гуком и Готфридом Лейбницем, в рассмотрении которых Пивоваров встает на сторону последних: «...Исаак Ньютон демонстративно игнорировал имя Роберта Гука, вероятно, первым открывшего закон всемирного тяготения, а также имя Готфрида Лейбница – скорее всего подлинного автора дифференциального и интегрального исчисления, присвоив себе научный приоритет в соответствующих областях физики и математики. Высказывается обоснованное мнение, что именно Ньютон причастен (в свою бытность президентом Королевского общества) к уничтожению всех до единого портретов своего оппонента Гука» [5, с. 176].

И далее Пивоваров пишет: «Полагаю, в этом научном гении парадоксально сочеталось все то, на чем настаивают как сциенты, так и асциенты, и вряд ли разумно примыкать к восторженным сциентам, адептам его культа» [5, с. 177].

Наконец, излагается совершенно оригинальная точка зрения на религиозные взгляды Ньютона. Обычно спор о них лежит между двумя крайними позициями. Одни твердо уверено, что Ньютон был еретиком-анти-тринитарием. Здесь тоже есть целый спектр взглядов: его называют социанином, арианином, последователем Маймонида и т.д. Другие пытаются обосновать его ортодоксальное англиканство.

Но все эти точки зрения, так или иначе, включены в контекст христианства и христианской же культуры, пытаются определить место Ньютона в этих координатах.

Пивоваров же пишет, что Ньютон не был ни христианином, ни иудеем, ни кем-то еще, а был последователем древнего культа богини Весты. Ньютон, по словам Пивоварова, считал, что эта истинная религия была искажена в более поздние времена. Именно из-за этого на Земле появился Иисус: чтобы восстановить древний культ [6, с. 578].

Культе Весты повлиял, в том числе, на научную деятельность Ньютона: святилище Весты с огнем в центре стало образом универсума с центральным светилом – Солнцем [6, с. 578].

Такая точка зрения звучит как минимум интересно. Ее трудно проверить. Причиной тому – сложность в изучении первоисточников: многие из богословских работ Ньютона хранятся в частных коллекциях (например, в коллекции известного экономиста Кейнса).

Однако, несмотря на это, данная точка зрения заслуживает внимания и рассмотрения.

Образ Ньютона в работах Д. В. Пивоварова – живое олицетворение взглядов Пивоварова на отношения науки и религии. Парадоксальный, противоречивый, воспеваемый или ненавидимый, пророк для современников и демоническая фигура для асциентов, соединявший естествознание, алхимию, язычество и христианское богословие.

Библиографический список:

1. Вавилов С. И. Исаак Ньютон: 1643–1727. 4 изд. М. : Наука. 1989. 271 с.
2. Горелик Г. Е. Кто изобрел современную физику? От маятника Галилея до квантовой гравитации. М. : АСТ. 2013. 334 с.
3. Кошелев И. А. Телеологический аргумент в английской натурфилософии и естественной теологии XVII в.: дисс. ... канд. филос. Наук. Москва. 2016. 144 с.
4. Лютер М. К христианскому дворянству немецкой нации об исправлении христианства / Избранные произведения. СПб. : Фонд Лютеранского наследия. 1994. 432 с.
5. Пивоваров Д. В. Философия религии. Гносеология религии в 2 ч. Ч. 2. Учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. Екатеринбург : Юрайт. 2018. 288 с.
6. Пивоваров Д. В. Философия религии. М. : Академический проект. 2006. 640 с.
7. Snobelen S. D. The Theology of Isaac Newton's Principia Mathematica: A Preliminary Survey, History of Science and Technology, University of King's College, Halifax, Nova Scotia. 2010. 3. 377–412.

Сергеев В. А.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ВСЕОБЩЕГО И ИНДИВИДУАЛЬНОГО В ОСМЫСЛЕНИИ ФЕНОМЕНА МУЗЫКИ В АНТИЧНОСТИ

Аннотация. На протяжении истории понятие музыки описывается как нечто всеобщее, имеющее связь с бытием и выражающее его основы, но возникает противоречие, так как музыка является индивидуальной, то есть продуктом деятельности автора. Проблемой оппозиции всеобщего и индивидуального в музыке занимались во все времена, но однозначного решения не было найдено.

Ключевые слова: музыка, античная музыка, гармония, катарсис, всеобщее, индивидуальное.

При изучении музыкальной теории и эстетики античности можно столкнуться с рядом трудностей, одной из которых является многозначность и сложность употребления понятия «музыка» в контексте греческого мышления и языка. Смысл, который мы вкладываем в это понятие в настоящее время, значительно отличается от того, что подразумевали философы античной Греции. Как пишет Вячеслав Павлович Шестаков, советский и российский философ, в работе «От этоса к аффекту»: «Под словом «музыка» древние греки понимали «мусическое искусство», «искусство муз», то есть всякое занятие, находившееся под покровительством муз. К тому же греческий термин «музыка» означал не только собственно музыку, но и теорию музыки» [1, с. 11].

Далее будет дана характеристика трех, на наш взгляд, основных представителей Античной философии, занимавшихся феноменом музыки. Это Пифагор, Платон и Аристотель.

Пифагор, как правило, описывает феномен музыки с естественнонаучной точки зрения, примером может являться математическое описание принципов установления гармонии в душе человека. Серьезное занятие астрономией связывалось и с изучением музыки, так как она являлась одним из основных компонентов воспитания. Так, в области музыкальной акустики пифагорейцы сделали открытие, которое иллюстрировало связь между звучанием струны и числовым отношением, что в будущем служило основой для описания движения планет в солнечной системе. Изучение проблемы в контексте числовой зависимости относится к описанию музыки в учение о гармонии сфер. Согласно этому учению вся вселенная представляет собой гармоническое музыкально звучащее целое. В результате движения космических тел появляется музыка. Но из этого следует вопрос, почему же мы не слышим ее. Ответом на данный вопрос является утверждение, что